

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦИКЛЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Общие факторы развития конституционализма

Развитие конституционализма в Центральной и Восточной Европе обусловлено рядом общих для этого региона факторов. Во-первых, это сходство исторических судеб многих государств. В межвоенный период все страны Восточной и Южной Европы от Балкан до Балтики имели авторитарные режимы в виде президентских или монархических диктатур. Диктатуры 1920–1930-х годов в Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Венгрии, Словакии, Румынии, Болгарии, Албании, Югославии и Сербии имели много общего. При всем различии обстоятельств возникновения их объединяли национализм, отрицание либеральной демократии, антипарламентаризм, критическое отношение к политическим партиям и стремление к единоличной власти вождя (монарха, президента или военного диктатора). Целью этих режимов был поиск выхода из общеевропейского кризиса, утверждение и стабилизация национальной государственности [60, 66]. На все эти страны после Второй мировой войны была распространена советская модель номинального конституционализма, представленная сталинской конституцией 1936 г. Переходные периоды у них также имели сходные черты — движение от номинального советского конституционализма к реальному.

Во-вторых, это характерный для всех стран данного (постсоветского) типа конституционализма острый конфликт двух тенденций:

Медушевский Андрей Николаевич — доктор философских наук, профессор Государственного университета – Высшей школы экономики, эксперт Института права и публичной политики. **Адрес:** 101000 Москва, ул. Маросейка, д. 9/2, стр. 8, офис 34. **Телефон:** (095) 928–00–20. **Электронная почта:** info@ilpp.ru

демократизации (как правления большинства) и либерального конституционализма (основной принцип которого — гарантии прав личности). Если на Западе эти два процесса были разделены во времени (основы гражданского общества и среднего класса сформировались до введения конституций), то в Восточной Европе они практически совпали. Рывок к демократии и конституционализму вступал в противоречие с необходимостью непопулярных, прежде всего экономических, реформ. При отсутствии культуры компромиссов между партиями большего успеха добивались наиболее демагогические из них. В условиях конкуренции на выборах развился феномен популизма — неоправданных обещаний быстрого улучшения ситуации при отсутствии реальной возможности сделать это.

В-третьих, совпадение во времени ряда важных процессов — создания основ демократии, рыночной экономики и конституционного порядка. Классические демократии, как правило, вводили конституции, уже имея рыночную экономику, и только потом постепенно демократизировали политическую систему, расширяя избирательные права и распространяя их на более широкие слои населения. Совпадение этих трех направлений модернизации вело в Восточной Европе к конвульсивным изменениям, поскольку необходимые, но непопулярные экономические решения в условиях демократии вредили либеральному конституционализму [42].

В-четвертых, совпадение принятия демократических конституций с процессом поиска национальной идентичности. В Восточной Европе (в отличие от Западной) данный процесс не был завершен и оказывал самостоятельное воздействие на переходный период практически во всех странах региона, где национализм набирал силу и вставала проблема самоопределения национальных меньшинств (распад Югославии в ходе конфликта на ряд национальных государств, мирное разделение Чехословакии на два государства, воссоединение ГДР с ФРГ на основе национальной общности, рост межнациональных конфликтов в Болгарии, Румынии, Венгрии и Прибалтике, развитие национализма в Польше). Именно в это время национализм вступает в конфликт с концепцией гражданского общества.

В-пятых, создание новых институтов, часто опережающих социальную реальность, которая должна была в них выражаться, и провоцировавших изменение этой реальности. Так, парламенты образовались раньше партий, которые должны были в них работать. Для мобилизации сторонников партиям приходилось создавать разногласия, иногда искусственно уводя общество от решения насущных проблем. В результате парламенты становились ареной политической рекламы партий. Хотя партиям для мобилизации сторонников необходимы были доктринальные разногласия, они должны были в то же время

искать консенсус по принципиальным вопросам переходного периода. Возникла «парламентская кутерьма», не способствовавшая стабильной конституционной работе.

В-шестых, влияние модернизации. На это обращали внимание исследователи, говорившие о «телеологических конституциях» — таких, которые пытаются найти соответствие пересекающихся и разнородных задач развития, рыночной экономики, демократизации и создания национальной государственности на постсоветском пространстве.

В-седьмых, фактор заимствования конституционных моделей в готовом виде. На основании американской конституции эксперты говорили о достоинствах и недостатках новых конституций Восточной Европы. Критерием их оценки, следовательно, выступало соответствие не столько реальным процессам в регионе, сколько идеальному типу, присутствующему в дискуссиях *a priori*. В этом проявился идеализм первых конституционных инициатив, которые быстро столкнулись с осознанием ограниченных возможностей заимствования конституционных норм.

Конституционные кризисы в Восточной Европе и способы их разрешения

Различаются восходящие и нисходящие линии конституционного процесса. Если принять за основу такие критерии, как политические права и свободы, открытость власти и возможность ее критики, независимость судебной власти, то можно говорить о позитивной или негативной динамике конституционализма. Идея Гегеля о свободе как критерии прогресса находит здесь свое четкое выражение.

Последняя волна конституционных преобразований имела место в 80–90-х годах XX в. и была связана с распадом СССР и социалистической системы. Революционные изменения в странах Восточной Европы, начавшиеся в 1989 г., породили новый конституционный цикл, который с самого начала получал прямо противоположные оценки. Для одних он означал окончательный исторический выбор человечества в пользу либеральной демократии. Для других стал скорее симптомом нового мирового беспорядка, связанного с сохранением наследия ленинизма в новых политических формах. Некоторые политические мыслители понимали происходящие перемены как революцию, которая способна дать импульс западной демократии. Другие, напротив, воспринимали их как новую проверку на прочность для западного мира, вынужденного разрабатывать и осуществлять стратегию демократических преобразований в мало подготовленных для этого восточноевропейских странах. Наконец, для практических политиков либеральной направленности, вовлеченных в конституционный процесс, был характерен осторожный пессимизм, порожденный

слабостью парламентаризма и связанными с этим распространенными представлениями об эффективности авторитарного режима в сложных условиях переходного периода [10, 11, 39].

Во всех странах Восточной Европы данного периода имели место конституционные кризисы, приведшие конституционным революциям. Это были фактически государственные перевороты, ведущие к смене политической и социальной системы. Их специфика во всех странах (кроме Румынии) состояла в сравнительно мирном переходе власти от коммунистической партии к новым конституционным правительствам. Наиболее четко этот тип бескровного переворота проявился в Чехословакии 1989 г. Он получил название «бархатной» или «нежной» революции. Эти перевороты интерпретировались также как демократические политические революции, реформация. Возникло понятие «согласованной революции». Наиболее подходит здесь выражение «октроированная конституция», напоминающая о традициях реформ «сверху» эпохи конституционной монархии. Октроированную, или дарованную монархом, конституцию, однако, при определенных условиях можно «отозвать». Такая ситуация была очень характерна и для начала конституционных реформ в странах Восточной Европы. В России конституционные изменения были дарованы властью, но постоянно существовала угроза их утраты в случае переворота или изменения политического курса. В Румынии конституционная революция приобрела форму насильственного государственного переворота. Замышлявшаяся как дворцовый переворот против диктатора, эта «революция» 22 декабря 1989 г. — 12 января 1990 г. привела к отмене всех институтов власти прежнего режима, созданию нового революционного правительства и принятию на Учредительном собрании новой конституции в 1991 г. [70, 78–80, 84, 90, 92, 95].

Страны региона были подготовлены к демократии неодинаково: в наибольшей степени это относится к Венгрии, Чехословакии, Польше, в известном смысле к Болгарии, где процессы либерализации наблюдались еще в период социализма. Однако в Югославии, Румынии и особенно Албании (с длительными традициями изоляционизма) предпосылки демократических преобразований были значительно меньшими, а издержки перехода к конституционному правлению — более высокими. Поэтому их трудно или даже невозможно классифицировать исходя из привычного разделения на парламентские, президентские и смешанные, как в силу их специфики, так, еще более, в силу соотношения права и реальности. Политические системы Восточной Европы выражали синтез советской политической системы и национальных традиций государственного устройства. Политическая традиция Восточной Европы знала как легитимный, так и нелегитимный варианты передачи власти. В XX в., с распадом крупных империй, страны Восточной Европы столкнулись с целым рядом государственных

переворотов различной политической и идеологической направленности. Установление коммунистических режимов после Второй мировой войны, фактически являвшееся государственным переворотом, внешне могло иметь вполне легитимный характер. При разрыве преемственности государственного развития (как в Польше и Венгрии) имела место легитимация режимов с помощью выборов и других форм народного волеизъявления. Это чисто формальное соблюдение демократических процедур способствовало тому, что антикоммунистические революции новейшего времени также стремились опереться на легитимные институты власти. Во всех странах, особенно на Юге Европы, были развиты авторитарные тенденции власти своеобразного типа, которые в дальнейшем способствовали возникновению авторитарных тенденций исполнительной власти.

Механизм реформирования однопартийной коммунистической системы в Восточной Европе имел существенное сходство в разных странах, что определялось единством советской модели режима и его преобразования. Это модель горбачевской революции сверху, выражавшейся в целенаправленном противопоставлении партийных и государственных (советских) структур и создании института сильной президентской власти, выступавшей в роли беспристрастного арбитра между ними. Характерно, что инициатором реформ повсюду выступала правящая партия, точнее, партийная элита, стремившаяся в новых условиях сохранить господство, опираясь на институт президентства. Президент во всех случаях избирался первоначально парламентом (часто его прежним номенклатурным составом, избранным в период господства коммунистов), и лишь позднее осуществлялся переход к прямым выборам президента населением. Возникает вопрос, почему, при существовании выраженных авторитарных тенденций власти, государства Центральной и Восточной Европы, в отличие от России, в целом отдали предпочтение парламентской, а не президентской форме правления, хотя и дали президенту в ряде случаев значительные полномочия. Для ответа недостаточно сослаться на внешние факторы, например на западное влияние или конкретные обстоятельства внутренней политической борьбы. Причина этого, по мнению большинства наблюдателей, состоит в стремлении избежать установления авторитарных режимов, опирающихся на институт сильной президентской власти, то есть возврата к диктатуре [14–16, 47, 48].

Все посткоммунистические страны Восточной Европы приняли модель парламентской республики, в ряде случаев более или менее тяготеющую к смешанной (или полупрезидентской) системе. Предпочтение восточноевропейскими демократиями формы парламентской республики, в ряде стран (Чехии и Венгрии) напоминавшее об

исторических традициях режима ассамблеи (типа Третьей республики во Франции), привело к избранию президента парламентом, серьезным ограничениям прерогатив президента в области законодательной власти, назначению референдума, формированию правительства и выбору кандидатуры премьер-министра. Данная концепция многим обязана опыту принятия демократических конституций в Южной Европе (Испании, Греции).

При определении механизма функционирования политического режима необходимо учитывать не только правовые, но и экстраправовые, политические параметры. Степень влияния партийной элиты на данный процесс определялась силой президента, парламента, оппозиции (прежних демократических оппозиционеров). Институт президентской власти, будучи наделен определенными полномочиями, подвергался затем корректировке, зависевшей от хода реальной политической борьбы (тип избирательной системы, порядок формирования правительства, роспуск парламента и порядок отстранения президента или ограничения его власти).

Номинальный, реальный и мнимый конституционализм

Общей особенностью конституций социалистических стран является их номинальный характер. Они принципиально отличались от реальных конституций, наполняя сами понятия «конституции», «свободы», «выборов» совершенно иным смыслом. Конституции социалистических и социалистически ориентированных стран определяются как чисто «семантические» (К. Левенштейн) [76], «номинальные» (А. Медушевский) [42] или «псевдоконституции» (Б. А. Страшун), поскольку они не обеспечивали прав и свобод индивида перед лицом власти (в чем состоит, собственно, их основное назначение), но, напротив, подчиняли его государству и компартии [1, 7, 17, 18, 68]. Все эти конституции (именно потому, что не действовали реально) были чрезвычайно схематичны, сходны между собой и в основных параметрах могли длительное время оставаться неизменными. Чисто прагматическое и инструментальное понимание конституции, свойственное марксизму, выразил В.И. Ленин: «Сущность конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенция и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе» [38, с. 535].

Тем не менее определенную эволюцию номинального конституционализма в Восточной Европе можно проследить. Отмечается движение конституций коммунистического типа к большему реализму, что выражалось, в частности, в признании роли партии. Речь идет о конституциях Албании, Болгарии, Китая, Кубы, Чехословакии, ГДР, Венгрии, Кампучии, Кореи, Монголии, Польши, Румынии, СССР,

Вьетнама, Югославии. Она определяется как «ползучая конституционализация» или «ползучая легализация» в недрах коммунистического режима. Этот процесс начался после 1968 г., когда проявился кризис легитимности советской системы. Его следствием стал поиск новой легитимирующей основы для власти партии. Старая революционная основа постепенно исчезала, а новая предполагала некоторое правовое обоснование. С этим связаны появившиеся в начале 1970-х годов рекомендации коммунистическим партиям включить в декларативные конституции положения, определяющие ведущую роль коммунистической партии в политической системе. Такие поправки были включены в конституции Болгарии, Венгрии и ГДР. Они подготовили конституционные дебаты, инициированные выступлением «Солидарности» в Польше. Как полагают некоторые аналитики, сама возможность рациональной дискуссии о конституционных проблемах в ходе обсуждения данных поправок стала предпосылкой «бархатных революций». В ряде стран установление режимов советского типа столкнулось с укоренившимися либеральными традициями, вызвало восстания (в ГДР, Венгрии, Польше) и привело к более либеральным трактовкам конституции.

Первые социалистические конституции практически ничего не говорили о коммунистической партии, но последующие провозглашали ее доминирующие позиции в виде «руководящей и направляющей роли коммунистической партии», что легитимировало подчинение институтов государственной власти всех уровней партийным органам. В ряде стран (Болгария, Польша) допускалось (с целью камуфлирования однопартийной системы) существование некоммунистических партий, которые, однако, целиком находились в подчиненном положении по отношению к компартии и признавали ее руководство.

Ограничения конституционализма осуществлялись за счет идеологизации государства и права: объем понятия «государство» сужался эпитетом «социалистическое», а понятия «народ» — эпитетом «трудовой». Это, как отметил Б.А. Страшун, открывало теоретическую и практическую возможность введения цензов, связанных с принадлежностью к различным классам и слоям общества — «трудящимся» и «эксплуататорским», — само определение которых носило не правовой, а скорее экономический и политический характер (феномен ограничения избирательного права по классовому признаку определил появление такого термина, как «лишенцы»). Другое ограничение — подчинение партийному контролю всех институтов гражданского общества — закреплено в конституциях общественных организаций — профсоюзных, молодежных и проч. Они находились под жестким контролем партийных структур, а независимые общественные объединения объявлялись незаконными. В период перестройки во всех этих странах произошла легализация так называемых «неформальных

общественных объединений», фактически альтернативных существующим структурам, что вообще является важным конструктивным элементом всякого демократического перехода (например, в Испании, Греции, Португалии, Бразилии, Аргентине и других странах) [44, 93, 95]. Третье ограничение представлено в отношениях собственности. Конституции социализма основывались на двух формах собственности на средства производства — государственной и кооперативной (иногда также собственности общественных организаций). Частная собственность не допускалась или была столь ограничена, что не имела реального значения (введенная вместо нее категория личной собственности отнюдь не тождественна ей). Реально все формы собственности находились под контролем номенклатуры (что облегчило процесс номенклатурной приватизации).

Тенденция к интеграции партийного и государственного аппарата достигла высшего развития к концу существования коммунистической системы: она выразилась в том, что лидер партии становился и главой государства. Возглавляя оба аппарата — партийный и государственный, — он действовал в основном через первый. Конституция, законы и выборы играли «декоративную роль». Выборы в государственные и партийные органы, на государственные должности осуществлялись партийной олигархией и первым секретарем из списков номенклатуры, утвержденных соответствующим партийным комитетом. Эти списки номенклатуры разных уровней представляли собой своеобразный резервуар, из которого черпались кадры для занятия руководящих должностей во всех ветвях власти. Несмотря на доктринальное и конституционное отрицание принципа разделения властей, данная система (особенно со временем) допускала некое его внешнее подобие, по крайней мере, в виде разделения функций различных структур. Тем не менее происходило реальное соединение всех этих функций на кадровом уровне, осуществляемое именно за счет централизованного политического контроля над кадрами и их перераспределением [5].

Для социологического анализа данной проблемы необходимо уточнить понятия, связанные с природой советского политического режима и ее изменениями; рассмотреть соотношение преемственности и разрыва в развитии правящего класса России; соотношение понятий номенклатуры и бюрократии; характер изменений постсоветского периода. Во-первых, нуждается в дальнейшей аргументации предложенная квалификация советского режима. Некоторые современные авторы отказываются от его определения как тоталитарного, следуя в этом за западной левой интеллигенцией, традиционно возражавшей против сближения советского и нацистского режимов в рамках концепции тоталитаризма. Они предлагают определить его как авторитарно-бюрократический (в стиле О'Доннела) на всем протяжении существования с «отдельными» периодами тоталитаризма

[85]. При этом не учитывается ряд особенностей советского режима, отличающих его от авторитаризма, — стремление к тотальному (в тенденции — абсолютному) контролю над обществом; слияние власти и собственности; отрицание права во имя идеологии (номинальный конституционализм); установка на отмену всех различий в обществе и создание нового человека. Тоталитарные системы XX в. претендуют на радикальное революционное переустройство общества, в то время как авторитаризм есть скорее консервативная реакция на такие изменения. Наконец, авторитаризм вообще — очень широкое понятие, включающее режимы различного типа — от традиционалистских монархий и военных диктатур до систем «ограниченной демократии», близких к демократическим. Поэтому введение понятия «авторитарно-бюрократического режим» (используемого в литературе для характеристики прежде всего военных режимов развивающихся стран Латинской Америки) скорее затрудняет выявление советской специфики, чем способствует ее раскрытию.

Во-вторых, остается открытым вопрос о месте советского правящего слоя по отношению к предшествующему и последующему периодам. Имеем ли мы дело с совершенно новым феноменом в истории или можно говорить о его преемственности? Некоторые современные исследователи фактически встают на точку зрения известной теории перерождения, согласно которой революционеры-идеалисты в силу объективных и субъективных обстоятельств превратились в бюрократов. Между тем никакого перерождения (во всяком случае, в социально-политическом смысле) не было: захват власти большевиками был осуществлен вполне сознательно, и с самого начала подразумевалось не только установление политического господства над обществом, но и перераспределение экономических ресурсов и собственности. В результате возникла политическая система, основанная на соединении власти и собственности в одних руках. Эта система отрицала достижения на пути движения России к гражданскому обществу, начавшиеся с Великих реформ 1860-х годов, и представляла собой в известном смысле реакцию на них традиционного коллективистского сознания. Данная система, как отмечал еще П.Н. Милуков, фактически возвращала страну к XVII в., восстанавливая в новых условиях традиционную для России систему служилого государства: ее характерными признаками были соединение общества и власти, господство натурального хозяйства и принудительных методов его ведения, закрепощение сословий и сосредоточение широких распределительных полномочий в руках центральной служилой бюрократии. В данной исторической ретроспективе советская номенклатура оказывается преемницей служилого дворянства, пройдя за более короткое время сходные этапы эволюции — от реально функционирующего инструмента управления и войны до привилегированного слоя («класса», по определению М. Джиласа) [12], озабоченного, главным

образом, сохранением своего статуса, престижа и благосостояния. Это сравнение позволило нам ранее говорить о возможности выявления особого слоя — авторитократии, специфика и этапы формирования которого позволяют отличить его от других традиционных привилегированных слоев — правящих сословий и каст, экономических классов в марксистском смысле слова, а также бюрократии.

В-третьих, нельзя согласиться с тезисом о тождественности социальной природы таких явлений, как номенклатура и бюрократия. Мы видели, что номенклатура должна быть сопоставлена скорее с другими правящими классами или властвующей элитой; бюрократия входит в эту систему лишь своими верхними эшелонами. Говоря об авторитарно-бюрократическом режиме, подразумевают решающую роль бюрократии. Что, однако, имеется в виду при использовании этого понятия? Классическая веберовская концепция бюрократии рассматривает ее как исторический продукт и одновременно движущую силу рационализации политических систем нового времени. Этот процесс исторически начинается в период формирования европейских абсолютистских государств и достигает наивысшего развития в парламентских режимах, где вся вертикаль исполнительной власти во главе с Кабинетом министров оказывается под контролем законодательной власти. Очевидно, что советская система административного управления, не имевшая ничего общего с разделением властей, представляла собой скорее отрицание рациональной бюрократии. Советская бюрократия — реальное следствие применения утопической социальной теории в отсталом аграрном обществе, следовательно — результат не только модернизации, но и ретрадиционализации этого общества. Здесь вообще очень трудно разграничить правящий слой номенклатуры («партийное жречество», по определению Троцкого) и верхи бюрократии. Если советский режим и знал бюрократию, то она скорее имела традиционалистский характер, представляя собой антитезу рационализму: вместо закона — устное указание; вместо разделения функций — их соединение; вместо профессиональной этики — ее отрицание. Однако главная специфическая черта правящего слоя советского режима (включая верхи бюрократии) — это реальная возможность распоряжения собственностью.

Эти особенности данного правящего слоя определили его роль в условиях кризиса советского режима. В литературе была предложена концепция «номенклатурной революции». Суть этой революции состоит, очевидно, в превращении административного контроля над государственной собственностью со стороны правящего слоя в целом в формально-юридическое закрепление ее принадлежности индивидуальным собственникам. Однако в сравнительной перспективе других крупнейших революций прошлого (прежде всего Английской и Французской) данный процесс следует определить скорее как реставрацию. Когда оппозиционеры обвиняли режим в термидорианском

перерождении, они, несомненно, ошибались (поскольку реставрация частной собственности не имела места). Анализ социально-политических процессов постсоветского режима позволяет выявить в нем некоторые тенденции в направлении бонапартизма — центристского политического режима, ищущего широкой социальной опоры в расколотом обществе и стремящегося стимулировать развитие класса собственников. Очевидно, что в условиях глобализации, модернизации и ускорения политического развития классические формы политических режимов и правящих элит не могут во всем соответствовать своим идеальным типам, сформулированным на историческом материале. В действие вступают тенденции к синтезу, комбинированному развитию и появлению гибридных форм. Современный российский правящий слой и представляет собой выражение этих тенденций, совмещая феодально-коммунистические элементы старой номенклатуры с буржуазно-бюрократическими и технократическими элементами обществ переходных типов.

Систематизация направлений посткоммунистических конституционных реформ в Восточной Европе позволила установить следующие тенденции. В области философии права изменения были направлены на замену принципов классового противостояния принципами естественного права и прав человека: из конституций были устранены все упоминания о социализме и коммунизме, в том числе в названиях государств («социалистические» и «народные» республики); положения о марксистско-ленинской идеологии; нормы, связанные с руководящей ролью коммунистических партий (или их аналогов). В области институциональной структуры речь шла о переходе от однопартийной диктатуры к плюралистическому режиму: отмена советской системы органов власти, разделение властей, введение многопартийности и политического плюрализма. Наконец, в сфере имущественных и социальных отношений новое конституционное право фиксировало переход к рыночной экономике, культуре индивидуализма и индивидуальной свободы: изменение отношений собственности; новая формулировка социальных прав; отношение к религии; права человека и их реализация; реформа судебной системы (прежде всего, создание конституционных судов), учет международно-правовых норм (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международные пакты о правах человека 1966 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и протоколы к ней). Использовался также опыт западных демократий. В числе источников новых конституций называют Основной закон ФРГ, Конституцию Веймарской республики, конституции государств Южной Европы, в ряде случаев Конституцию Пятой республики (Франция). К источникам конституционных влияний можно отнести и конституционный опыт самих посткоммунистических стран в период формирования государственности в начале XX в.

Модели переходного периода в Восточной Европе

Посткоммунистический конституционализм уже по определению отрицает преемственность. Сохранение правовой преемственности не могло иметь места, поскольку в реальности предшествующая система не знала конституционного права в аутентичном смысле слова. Отрицание номинального конституционализма с этой точки зрения может интерпретироваться парадоксальным образом не столько как разрыв, сколько именно как восстановление права. В этой связи можно констатировать известную условность понятий «разрыв» и «преемственность» для данного региона [41, 53]. С этими оговорками переходные процессы в Центральной и Восточной Европе могут быть поставлены в сравнительный контекст. В Центральной и Восточной Европе, как ранее в Южной Европе и Латинской Америке, в принципе представлены обе модели — договорного перехода и разрыва.

Договорная модель в странах Восточной Европы была затруднена в силу объективных причин. Здесь за редким исключением не создавалось условий для сохранения правовой преемственности. Тем не менее ряд переходных процессов можно определить как договорные. Само понятие «бархатная революция» говорит об элементах договорного перехода. Основанием говорить об этом стали так называемые «круглые столы» между властью и оппозицией.

В странах Восточной Европы, как считают некоторые исследователи, реализовалась договорная модель перехода к демократии, сопровождавшаяся «круглыми столами» между старой коммунистической властью и оппозицией. Исторические прецеденты такого перехода усматриваются в Париже в мае-июне 1789 г., когда возникли дебаты о проверке полномочий делегатов Генеральных Штатов: предмет дискуссии состоял в том, должна ли верификация полномочий депутатов осуществляться каждым из трех сословий или на совместном собрании сословий. Важность спора определялась тем, что совместная проверка полномочий создавала прецедент для последующего совместного голосования (а не голосования по сословиям). Спор выразился в обсуждении вопроса между третьим сословием и доминирующими силами — королем и дворянством — об организации конституционной ассамблеи. Монархия пыталась сохранить свое существование, преобразовав себя из формы правления в одну из структурных частей режима. По аналогии с этим коммунистические партии, поняв, что не смогут сохранить монополию на власть, попытались (причем с большим успехом, чем Людовик XVI) трансформировать себя из правителей в политические партии западного стиля. Другой пример — самопровозглашенный Предпарламент, готовивший выборы в Конституционную ассамблею во Франкфурте 1848 г. Ближе к современности — отношения между Военным командованием Западной Германии и министрами-президентами земель при создании

Боннской конституции 1949 г. Серия конференций между ними имела целью преодолеть ряд разногласий путем достижения компромисса. Сюда следует отнести и Испанский закон о политической реформе 1976 г., заложивший основания для разработки конституции 1978 г. Он стал результатом широкой политической дискуссии между правительством и оппозиционными политическими партиями. Но ни один из этих предконституционных эпизодов не достигал драматизма и конфронтационности 1789 и 1989 гг. [44, 93, 95].

Существовало много различий между «круглыми столами» в тех странах, где они имели место (Польша, Венгрия, Чехословакия, Болгария, ГДР). Польские переговоры вначале не подразумевали ревизию конституции или введение политической демократии. Скорее первоначальная идея заключалась в официальном признании «Солидарности» в обмен на помощь Запада и поддержку «Солидарностью» экономических реформ, которые представлялись правительству необходимыми. Идея устраивать специальные «круглые столы» для политических реформ появилась позднее. В Венгрии политические реформы были на повестке дня с самого начала, но не в форме полномасштабной ревизии конституции. Правительство полагало, по крайней мере в течение некоторого времени, что оно может обеспечить контролируемый и ограниченный переход к многопартийной системе в обмен на предоставление оппозиции участия в экономической ответственности и доступ к западной помощи. Напротив, переговоры в ГДР, Болгарии и Чехословакии были ориентированы на широкомасштабные изменения практически с самого начала. В Болгарии быстрое избрание Конституционной ассамблеи было главным вопросом «круглого стола». В ГДР фокус быстро сместился от реформ к воссоединению. В Чехословакии переговоры были посвящены главным образом смене персонала, а не реформам институтов. В Китае, где посткоммунистическая модель так и не реализовалась, переговоры с оппозицией (студентами на площади Тянь-ан-Мынь) закончились их вооруженным подавлением. В Румынии не было никаких переговоров и проблема смены лидеров была разрешена в ходе «демократической революции» — фактического переворота. Повсюду, по признанию участников этих событий, существовал фактор неопределенности, связанный с возможным советским вмешательством (имевшим место ранее в аналогичных ситуациях практически во всех указанных странах). Только когда стало ясно, что вмешательства не будет, началось обсуждение реальных вопросов политической реформы. «Круглые столы» различались по составу участников, соотношению сил правящих партий и оппозиции, критериям избрания делегатов от оппозиции, кругу обсуждавшихся вопросов, степени гласности дискуссий и, наконец, по принятым решениям. Обсуждались такие вопросы, как свобода выборов, тип избирательной системы (мажоритарная или

пропорциональная), принципы формирования парламента и национальный вопрос, выбор формы правления (роль президента в системе сдержек и противовесов), изменение конституции. Различен был и практический вклад «круглых столов» в трансформацию политической системы — от реального (в Польше и Чехословакии) до практически символического (в ГДР) [91].

Договорная модель существовала в виде реформы и так называемой «бархатной революции». Наиболее четко договорная модель представлена в Венгрии, Чехословакии и Польше.

Констатация переходного периода требовала определения границ этого процесса, того, какова его отправная точка и желательная цель. Стала возможна дискуссия о том, должен ли это быть непосредственный переход от тоталитаризма к демократии или следует выделять особый промежуточный этап между ними в виде некоторой формы авторитаризма. Если некоторые бывшие коммунистические страны смогли более или менее непосредственно перейти к плюралистической демократии (Чехия и Венгрия), то в других (Россия, а также Болгария, Румыния, Украина, Беларусь) восторжествовал «посттоталитарный квазидемократический авторитаризм». Для интерпретации этих режимов использовалось понятие «делегируемая демократия» — такая, при которой победитель на свободных демократических президентских выборах имеет в дальнейшем полную свободу действий по управлению страной. Он ограничен не правовыми нормами, а неформальными властными отношениями и временем пребывания в должности [67, 69, 71, 72, 75, 87, 88]. В этой ситуации, опираясь на волю большинства, президент становится воплощением нации. В то же время речь идет именно о демократии, а не жестком авторитарном режиме.

Договорный процесс конституционных изменений в ходе «бархатных революций» (Венгрия, Чехословакия, Польша)

Анализ преемственности в переходный период следует начинать, безусловно, с Венгрии. В Венгрии, где ситуация была сходна с польской, решено было вообще отказаться от попытки принять новую конституцию. Выход из положения был найден в неоднократном внесении поправок в старую конституцию, а затем принятии серии специальных законодательных актов и решений Конституционного суда, которые создали эффективный конституционный порядок. Решение конституционной проблемы в 1989 г. состояло в создании списка конституционных актов, для принятия каждого из которых требовалось парламентское большинство в две трети голосов. Этот подход при отсутствии общего консенсуса позволял создавать отдельные коалиции по каждому законодательному акту. В других странах, где не было этой процедуры, все спорные вопросы приходилось решать

одновременно, что было в тот период крайне трудным делом. Оригинальность венгерского решения проблемы конституции определяется, прежде всего, тем, что Венгрия исторически является парламентской республикой, а также совокупностью исторических факторов.

В ходе процесса, завершившегося установлением Народной Республики Венгрия в 1947 г., компартия (позднее переименованная в Венгерскую социалистическую рабочую партию) сосредоточила все контрольные рычаги в своих руках, промульгировала конституцию советского типа 20 августа 1949 г. и достигла монополии на власть, которая была поставлена под сомнение лишь в ходе «преждевременной революции» 1956 г. [3, 24, 25]. В конституцию были внесены изменения 19 апреля 1972 г.

В конце 1980-х годов политическая ситуация начала меняться. В 1987 г. премьер-министр опубликовал правительственную программу, сокращавшую роль Президентского совета и означавшую начало движения от управления указами к парламентской системе. В 1989 г. переход от государственного социализма к демократии ускорился, когда партия и оппозиционные группы встретились для ведения переговоров за «круглым столом» [94]. Конституция 1949 г. подверглась пересмотру, но это было сделано поэтапно — двумя сериями поправок в 1989 г. и 1990 г. В октябре 1989 г., вслед за переговорами «круглого стола», парламент одобрил фундаментальные поправки к конституции, включая устранение статьи, гарантирующей однопартийное правление. Немедленно группы, оппозиционные ВСРП (получившей теперь название Венгерской социалистической партии) сформировали новые политические партии. Весной 1990 г. в Венгрии состоялись первые демократические выборы после 45-летнего однопартийного социалистического правления. Победили новые партии — Венгерский демократический форум и Союз свободных демократов. В 1990 г. были предприняты дальнейшие поправки к конституции, значительно ограничивавшие прерогативы парламента. Цикличность политического процесса постсоветского периода проявилась в том, что выборы 1994 г. вернули к власти Венгерскую социалистическую партию, завоевавшую определенное большинство в парламенте, а главной оппозиционной партией стал Союз свободных демократов. Новая конституция, как ожидалось, должна была быть вынесена на референдум в конце 1995 г. Но этого не произошло. Основной причиной данного факта аналитики считают стремление правящей партии воздержаться от изменений, способных ослабить ее положение [2].

Таким образом, концепция венгерского демократического перехода имеет существенное сходство с некоторыми латиноамериканскими интерпретациями договорного перехода к демократии (ограниченного предварительной договоренностью между политическими

партиями) с той разницей, что там он завершился принятием новой конституции. В целом венгерская модель оказывается оригинальной не только для посткоммунистических стран. Отчасти это сходно с решением проблемы в ФРГ, где отказ от принятия конституции, вызванный политическими причинами послевоенного периода оккупации, привел к постепенному превращению временного основного закона в постоянную конституцию [4].

В Чехословакии переходного периода не удалось достичь консенсуса политических сил по вопросу о принятии новой конституции, однако он был реализован вскоре после раздела в Чехии и Словакии, причем новые конституции были приняты очень быстро. Конституция Чехословакии 29 февраля 1920 г. устанавливала парламентскую республику с сильной бикамеральной легислатурой, существовавшую в межвоенный период. В 1948 г. была принята новая конституция, устанавливавшая коммунистический режим. Парламент был сведен к пассивному однопалатному органу однопартийного государства с президиумом, выполнявшим некоторые его реальные функции [27, 62, 63]. В 1968 г. коммунистический лидер Александер Дубчек начал проводить политические и экономические реформы, вызвавшие Пражскую весну, которая окончилась вторжением сил Варшавского договора. Хотя конституция, принятая 11 июля 1960 г. полностью в соответствии с советским образцом, отменила последние остатки Словацкой автономии, федеративная структура государства была восстановлена в новой конституции 1969 г. в виде частичного ответа на требования, звучавшие в ходе Пражской весны.

С конца 1980-х годов Чехословакия претерпела «бархатную революцию» (velvet revolution), результатом которой стал «мирный коллапс чехословацкого коммунистического режима». Различные политические ориентации, споры о чехословацком сосуществовании в новой федеративной республике привели к «бархатному разводу» (velvet divorce). Чешская конституция была принята в декабре 1992 г. и вступила в силу 1 января 1993 г. Словацкая конституция, создающая суверенное словацкое государство, была принята в сентябре 1992 г. и вступила в силу 1 октября 1992 г. Конституция Чешской республики 1993 г. создала двухпалатный парламент, сходный с тем, который существовал в межвоенный период [37].

Ситуация в Чехии прошла фазы, идентичные фазам в других странах Восточной Европы. Сначала — бархатная революция: если компартии в Польше и Венгрии оставили позиции в начале 1989 г., то чехословацкие коммунисты — лишь в конце года. С той же закономерностью правые посткоммунистические правительства с либерально-консервативной идеологией проиграли социалистическим партиям в Польше в 1993 г., в Венгрии — в 1994 г., а в Чехии — в 1998 г. (уход правительства Клауса за два с половиной года до очередных

парламентских выборов в 1997 г. и победа Чешской социал-демократической партии (ЧСДП) на досрочных парламентских выборах 1998 г.). Данная тенденция сохранялась и в дальнейшем [51]. Это — иллюстрация цикличности, получившая свою особую терминологию — «бархатная революция» сменяется «бархатной реставрацией» (the velvet restoration). Причиной возврата социалистов к власти является экономический застой внизу и политический кризис в верхах [40]. Две крупнейшие партии поделили между собой политическое пространство и законотворческий процесс, отстранив малые партии. Хотя Конституционный суд признал это соглашение не противоречащим конституции, документ вызвал критику всех прочих партий и президента, поскольку не согласуется с идеей открытого демократического соревнования между партиями [50, с. 11].

Республиканские и демократические принципы конституции Второй Польской республики (1918–1939 гг.) были выражены в конституции 17 марта 1921 г. («Мартовская конституция»). Конституция 23 апреля 1935 г., действовавшая в период «правления генералов» (1935–1939 гг.) — военной диктатуры, давала практически весь законодательный контроль президенту [49]. Временная малая конституция 19 февраля 1947 г. была принята на переходный период. Она уступила место конституции «Народной республики» Польши 22 июля 1952 г., которую Сталин правил лично [28]. Конституция 1976 г. впервые закрепляла руководящую роль ПОРП и представляла Польшу как «развитое социалистическое общество». Она оставалась действующей до кризиса коммунистического правления.

Основные направления конституционных дебатов и конфликтов 1989–1991 гг. отражают причины, помешавшие быстрому принятию конституции на основе консенсуса. К ним относятся (помимо раскола партий) противоречия между палатами — Сенатом и Сеймом (до принятия «Малой конституции» 1992 г.); между Сеймом и президентом; между президентом и премьер-министром; наконец, между Национальным собранием и внепарламентской оппозицией. Принятие «Малой конституции», не решив проблемы, совпало с началом витка конституционного цикла, свойственного практически всем странам Восточной Европы. В течение семи лет, предшествовавших принятию конституции 1997 г., временная конституция обеспечивалась сначала поправкой от 7 апреля 1989 г к конституции 1952 г., а затем «Малой конституцией» от 17 октября 1992 г. После выборов в мае 1993 г. новое правительство, сформированное оппозицией, не получило вотума доверия, Президент Л. Валенса распустил парламент и назначил новые выборы на сентябрь 1993 г. Их результат означал поражение «Солидарности» и возврат традиционной политической элиты.

Для Польши характерен эволюционный подход к разработке конституции. В этом смысле она упустила революционный «конституционный момент», возникающий в условиях падения старых институтов

и реализации массовых чаяний. Новый правовой порядок сложился, как считает большинство аналитиков, в результате постепенного изменения прежнего. Если бы конституция была принята сразу после 1989 г., создание новых институтов проходило бы легче и, возможно, удалось бы избежать последующего противостояния (что справедливо также в отношении России). В конституции, ратифицированной 25 мая 1997 г., были закреплены нормы, сложившиеся после 1989 г. в результате борьбы политических партий и институционального противостояния. Принятие новой конституции не было революционным, но лишь обобщило, кодифицировало и выразило существующие нормы, узаконив сложившийся правовой и институциональный строй (включая систему политических и административных интересов). Это был набор компромиссов между различными концепциями государства. Польская конституция ничего не говорит о преемственности по отношению как к конституции 1952 г. так и к конституции 1935 г. Это вело (как и в ряде других стран Восточной Европы и России) к тупиковой ситуации в области реприватизации, пересмотру коммунистических судебных решений, люстрации [57].

Современная конституция Польши была принята небольшим перевесом голосов на референдуме 25 мая 1997 г. с ограниченным участием населения. Это объяснялось резко критической позицией «Соллидарности», католической церкви и правых партий. Они оспаривали, однако, легитимность процедуры принятия конституции, а не ее содержание. Легитимность неоднократно ставилась под сомнение в силу того, что в ходе принятия конституции на разных этапах ее разработки и обсуждения доминировали соображения практической политики, интересы партий, а не стратегические соображения. Компромисс достигался внесением в текст проекта дополнений, которые должны были удовлетворить все стороны. В то же время ст. 81 о правах, пределы защиты которых определяются законом, проводит различие между простыми намерениями, с одной стороны, и правами, которые могут отстаиваться в суде, — с другой [32].

Таким образом, демократический переходный процесс в Польше, завершившийся принятием Конституции Польши 1997 г., отразил слабость гражданского общества, его колебания и непоследовательность в посткоммунистический период. Результаты конституционной революции 1989 г. в силу этого не были сразу кодифицированы в новой конституции. Это произошло лишь десятилетие спустя, на завершающей стадии конституционного цикла, когда процессы реставрации оказались значительно сильнее процессов революционного обновления. «Бархатная революция» плавно перешла в новую фазу «бархатной реставрации» (А. Михник) [82]. Результатом стала «запоздалая конституция», легитимность и законность которой была признана только частью общества и оспаривалась уже в момент принятия

активными политическими силами страны. Граждане (как показали результаты референдума) не связывают себя с ней и политическими партиями (как сторонниками, так и противниками конституции). Доминирующие тенденции общественного настроения в отношении конституции определялись как «апатия и фатализм». Ограниченный объем легитимности новой конституции соответствует ограниченному объему социального консенсуса.

Эти выводы относятся в принципе ко всем странам Восточной Европы, где в результате «бархатных революций» произошли резкие конституционные изменения, осуществлявшиеся, однако, постепенно и без массированного применения насилия. Непрочный компромисс политических сил переходного периода проявился в непоследовательных и компромиссных решениях, растянувших конституционную реформу на длительное время (Венгрия), связывавших ее судьбы с решением проблемы государственного самоопределения (Чехия и Словакия), достижением согласия ветвей власти и политических партий (Польша). Цикличность конституционного развития этой группы стран проявилась в отношении к самой идее принятия конституции.

Модель разрыва консенсуса и правовой преемственности (Югославия, Румыния, Албания)

В отличие от эволюционной и мирной стратегии конституционных изменений, определяемой понятием «бархатной революции» и последующего договорного (хотя, как было показано, крайне непоследовательного) перехода к конституционной демократии, Восточная Европа знает и другую стратегию. Она может быть определена как радикальный революционный разрыв с прошлым, осуществляемый с использованием насилия. Цели и декларируемые ценности конституционных реформ в обоих случаях выглядят сходными, различаются методы их достижения. Во втором случае речь идет фактически о государственном перевороте. Примером радикального конституционного конфликта является распад Югославии. Он был обусловлен тем, что при отсутствии однородного гражданского общества, при наличии различных и противостоящих друг другу идеологических и социокультурных традиций процесс национального самоопределения приобрел форму межгосударственного противостояния [31, 55]. Это был процесс столкновения разных, хотя иногда этнически родственных народов, сосредоточенных и проживавших исторически длительное время в одном государстве. Процесс национального и государственного самоопределения столкнулся с процессом изменения форм собственности, которое при отсутствии развитого полиэтнического гражданского общества происходит по этническому признаку (этническая общность, а не личность является в этом случае субъектом государственного, имущественного и иных видов права).

Эти процессы нашли выражение в создании партий по этническому признаку. В Хорватии после парламентских выборов 1990 г. к власти пришло националистическое движение «Хорватское демократическое сообщество»; в Сербии коммунисты, сменившие название на социалистов, остались правящей партией, но усилили националистическую риторику; в Словении победила коалиция оппозиционных партий. В Боснии и Герцоговине политический процесс окончился катастрофой, поскольку партии, созданные по этническому признаку, победив на выборах, оказались в режиме острой и непреодолимой конфронтации, попытка преодоления которой завершилась кровопролитной войной. Особенностью этих партий (безотносительно к их названиям) являлось то, что они в своих программах отдавали приоритет этническим правам в ущерб личным. Этот подход был характерен и для политической риторики С. Милошевича, А. Изетбеговича, Ф. Туджмана. Выражением кризиса стало обострение отношений между крупнейшей и «государствообразующей» нацией, сербами, и их республикой и другими народами и их государственными образованиями в рамках СФРЮ и самой Сербии. Попытка разрешения конфликта силой (упразднение автономных округов Косово и Воеводины сербским руководством в 1988–1989 гг.) привела к войне и этническим чисткам последующего периода. В 1990–1991 гг. расширились противоречия между Сербией и Словенией, Сербией и Хорватией. Острота конфликта, выразившаяся в начале войны в Хорватии (1991 г.), а затем Боснии и Герцоговине (1992 г.), вооруженные действия в Косово (1988 г.), бомбардировки Сербии, а затем распространение вооруженного конфликта на мирно отделившуюся Македонию стали результатом сочетания конституционного, национального и политического кризисов, поиска новыми государственными образованиями различных стратегий выхода из них [35].

Важным проявлением сходных процессов дестабилизации, происходящих по национальному признаку, в государствах СНГ может служить появление так называемых самопровозглашенных государств, сформированных на территории других государств и имеющих все признаки государственности (свою конституцию, правительство, систему налогов и т. п.) за исключением одного — международного признания их суверенитета [83]. Переход от однопартийной диктатуры к полупрезидентской республике в Румынии был осуществлен в результате государственного переворота. В отличие от стран, где конституционный процесс постсоветского периода опирался на некоторые традиции в прошлом, предыстория румынского конституционализма коротка и полна разрывов. Конституция 1948 г., открывшая эру «народной демократии», устанавливала Великое национальное собрание, которое собиралось на две кратких сессии каждый год и одобряло указы, принятые президентом социалистической республики, и

решения, принятые Государственным советом (председателем которого являлся президент). Вслед за ней была принята сталинистская конституция 12 сентября 1952 г., которую, в свою очередь, заменила конституция 21 августа 1965 г., действовавшая до крушения режима в 1989 г. [29, 30].

Политическая власть в Румынии 1965–1989 гг. имела существенную специфику даже по сравнению с другими режимами номинального конституционализма. Она выражалась в крайне персонализированном характере власти и культе личности «кондукатора» (верховного руководителя, как принято было его официально именовать), — партийного и государственного лидера Н. Чаушеску и его жены Елены. Данный режим характеризовался особым механизмом власти: тайная полиция («Секуритате») была непосредственным личным оружием диктатора и контролировала все области жизни страны.

Кризис авторитарного режима проявился в его политической изоляции как от Запада, так и от Востока (в силу падения популярности националистического курса). «К 1989 году в Румынии в полном смысле сложилась революционная ситуация: верхи делались все более изолированными от остального общества и уже были неспособны эффективно применять авторитарные методы принуждения и мобилизации, в то время как низы становились все более отчужденными от государства и не контролируемы им. Словом, Румыния созрела для революционных действий. События в странах советского блока, стимулированные горбачевскими реформами, еще более ослабили возможности Чаушеску удержаться у власти» [59, с. 31].

Принципиальное значение имеет спор в румынской литературе о характере событий, приведших к смене режима, — революция это или переворот. В зависимости от ответа на этот вопрос интерпретируются и конституционные изменения: имели ли они более или менее спонтанный характер или представляли собой заранее спланированную акцию с целью сохранить власть за правящей группой и легитимировать ее с помощью конституционной фикции. Официальная версия представляет «народную революцию» как спонтанный процесс. Режим Чаушеску был свергнут в ходе народных восстаний, происшедших между 16 и 22 декабря 1989 г. сначала в Темишоаре, а потом и в Бухаресте (о народных восстаниях говорится без кавычек). После расстрела Чаушеску и его жены на Рождество 1989 г. власть перешла в руки самопровозглашенного на подъеме революции Совета Фронта национального спасения (ФНС). В литературе данные события, однако, квалифицировались как государственный переворот [89, 93].

Выборы 1996 г. рассматриваются как подлинный переломный момент, поскольку они положили начало сменяемости органов управления и позволили демократическим силам принять участие в управлении. Правившая после 1996 г. коалиция включала Демократический

союз венгров Румынии (ДСВР), что позволило уменьшить этнические противоречия. Однако демократический лидер — президент Константеску и его окружение оказались непрофессиональны: их обвиняли в неспособности провести экономические реформы, выполнить предвыборные обещания, преодолеть частые смены правительств, а также внутренние противоречия.

В результате на выборах 2000 г. произошла решительная победа ПСДР во главе с Илиеску. Правоцентристская коалиция в Румынии разделила судьбу таких коалиций в других странах, например Польше и Венгрии. В условиях пропорциональной системы представительства и повышения минимального порога прохождения партий в парламент (до 5%) очевидное преимущество оказалось (как в Польше в 1993 г., так и в Румынии в 2000 г.) у дисциплинированных левых партий, а не у расколотых правых коалиций, даже не попавших в парламент. Однако если в Польше выборы 1993 г. были реакцией на успешную шоковую терапию 1990–1991 гг., то в Румынии — на отсутствие реформ. Конституционный цикл замкнулся в Румынии, как и в других посткоммунистических странах, восстановлением традиционной элиты у власти [56].

Принятие новой конституции Румынии 1991 г. не сняло вопроса о дальнейших конституционных реформах. Новая конституция Румынии столкнулась, как в свое время и конституция Португалии (принятая после «революции гвоздик» 1974 г.), с радикальным кризисом легитимности, поскольку возникла в результате государственного переворота, а не постепенного трансформирования правовых норм и принципов. Особенность Румынии — в номинальном конституционализме, хаотичности законодательства и радикальности разрыва права и реальности [36]. Концепция цикличности применительно к Румынии, однако, нуждается в корректировке, поскольку здесь конституционное развитие ограничено общей экономической и политической стагнацией. В данной системе не выработано устойчивой системы внутренних правил и норм, без которых не может функционировать режим парламентской демократии. Основными проявлениями дисфункции признают следующие: хотя выборы осуществляются по партийным спискам, сохраняется практика перехода депутатов из одной партийной фракции в другую, что ведет к пренебрежению к мандату избирателей; парламентский иммунитет распространяется на всех парламентариев независимо от характера их проступка — политического или уголовного (при этом нормы работы парламента делают снятие иммунитета практически невозможным); при назначении судей главным критерием является опыт, измеряемый продолжительностью юридической практики, что привело к доминированию старых коммунистических кадров и консервативной оппозиции реформам (это частично объясняет неэффективность кампании по борьбе с коррупцией). В

результате конституция имеет ограниченный объем легитимности, а парламент является «самым непопулярным в стране политическим институтом». Партийная система все более напоминает систему «итальянского типа», не способную к выдвижению широких инициатив [45].

Констатируя стагнацию в экономической модернизации и институциональных реформах в Румынии, исследователи связывают ее с сохранением идеологии, структур и институтов старого режима, а также наиболее сильного для посткоммунистических стран отчуждения политической и интеллектуальной элит от населения. Конституционализм носит мнимый характер. В целом румынский политический режим все более тяготеет к плебисцитарной демократии, в которой некоторые исследователи усматривают своеобразный восточно-европейский аналог латиноамериканских режимов с сильно выраженными харизматическими чертами лидерства. Они говорят даже о «румынском перонизме».

Свои особенности разрыва конституционной преемственности имела Албания. Главная из них — в роли неформальных, можно сказать клановых, клиентелистских отношений при формировании конституционной системы. Режим Энвера Ходжи (1944–1985) отличался, как известно, особой жесткостью, и Албания стала одной из наиболее изолированных стран мира, которой не коснулась десталинизация. После смерти диктатора и с началом кризиса коммунистической системы в Восточной Европе партию возглавил Рамиз Алия, который пришел к власти после многопартийных выборов в марте 1991 г. Албания последней из стран Восточной и Центральной Европы отказалась от коммунистического правления весной 1991 г. На первых многопартийных выборах в албанский парламент 31 марта 1991 г. Партии труда (компартии) противостоял антикоммунистический фронт — Демократическая партия Албании во главе с Сали Беришей. Партия труда выиграла выборы, была переименована в 1991 г. в Албанскую социалистическую партию (во главе с Фатосом Нано), но ее правительство вскоре потеряло власть в силу внутренних экономических и социальных проблем. Протесты оппозиции привели к повторным выборам в 1992 г., где оппозиционная Демократическая партия Албании одержала победу. После отставки Рамиза Алиа парламент избрал президентом лидера ДПА — Сали Бериша на пятилетний срок.

Хотя старая конституция (1976 г.) была отменена в 1991 г., Албания не сразу приняла новую, несмотря на обещания правящей партии. В 1993 г. был принят Билль о правах, включавший отдел конституционного проекта о правах человека, а также ряд других основных положений из собрания конституционных законов, принятых с 1991 г. Конституционный закон Республики Албания «Об основных конституционных положениях» 1993 г., вступивший в силу немедленно, отменял

действие конституции Социалистической Народной Республики Албания, принятой 28 декабря 1976 г., с последующими изменениями и дополнениями (ст. 45–46) [22]. Это было признание разрыва конституционной преемственности с прежним режимом, легитимность которого была отвергнута в области не только идеологии, но и основополагающих правовых норм. Придя к власти в 1992 г., ДПА победила и на следующих выборах в 1996 г., хотя внутри нее был раскол. В 1997 г. она распалась вслед за крушением финансовых пирамид, уступив место старой номенклатуре. В результате конституция Республики Албания была принята лишь 21 октября 1998 г. [33].

Переходный процесс в Албании сравнивали с российским. «В начале 1990-х годов в Албании иногда говорили, что Энвер Ходжа — это албанский Сталин, Рамиз Алия — это Горбачев, а Сали Бериша — Ельцин» [13, с. 37]. Возникает вопрос о том, каким образом возможны были столь радикальные перевороты при минимальных социальных и политических изменениях (включая появление одних и тех же деятелей на политической арене). Объяснение этого усматривается в мнимом конституционализме: парламент, партийные структуры управляются не столько с помощью конституционных норм (которые к тому же находились в процессе формирования), сколько клановыми отношениями в элитных группах. Албания, однако, также иллюстрирует общую тенденцию для стран Восточной Европы посткоммунистического периода: после краткой и эфемерной победы демократов к власти в новом облики вернулась старая элита.

Конституционный процесс и политические доминанты цикличности (Болгария)

Выше мы рассмотрели два основных типа постсоветских переходных периодов в странах Восточной Европы — умеренные, содержащие элементы договорного перехода к демократии, и отрицающие консенсус и поиск правовой преемственности в ходе переворотов. В то же время, как отмечалось, тенденция к цикличности конституционного процесса присутствовала во всех странах. Наиболее четко параметры конституционной и политической цикличности в странах Восточной Европы постсоветского периода представлены в Болгарии. Здесь сочетались принципы договорности и разрыва. В результате переходного периода в стране сформировалась полупрезидентская республика, функционирование которой, однако, во многом определяется экстраправовыми факторами. После Второй мировой войны и установления в 1946 г. коммунистического доминирования была отменена монархия и провозглашена народная республика. Новая конституция «народной демократии» была принята 4 декабря 1946 г. [26, 46]. В 1971 г. вступила в силу конституция, провозглашавшая Болгарию «социалистическим государством». Коммунистический лидер

Болгарии с 1954 г. — Тодор Живков был отстранен самими коммунистическими реформаторами с началом перестройки. В июне 1990 г. состоялись первые после Второй мировой войны свободные выборы, было избрано Великое народное собрание с мандатом разработать конституцию. Болгарская Социалистическая партия (наследник БКП) получила в Собрании незначительное большинство.

В августе 1990 г. Желю Желев, лидер оппозиционного Союза демократических сил, был избран президентом Великого народного собрания, а затем, в январе 1991 г., выиграл прямые президентские выборы. После промульгации новой конституции в 1991 г. Великое народное собрание было распущено и проведены выборы в переименованное Народное собрание, на которых в этот раз победил Союз демократических сил. Последующее развитие характеризовалось, однако, нестабильными коалициями и расколом главных политических партий. «Круглый стол» между партией и оппозицией в Болгарии обычно рассматривается как организованный коммунистической партией способ возврата к власти, но некоторые аналитики считают возможным оценить его в ретроспективе как подлинный диалог политических сил, приведший к формированию таких важнейших политических институтов, как парламент, пост президента и состязательная партийная система. Компромисс, достигнутый в 1991 г., был отвергнут оппозицией, вышедшей из состава Учредительного собрания, которая не признала новую конституцию. Переговоры «круглого стола» подвергались критике в связи с кризисом первого некоммунистического правительства в 1992 г. и победой на выборах бывших коммунистов в 1994 г. Политический кризис 1997 г. вновь поставил вопрос о поиске компромисса. После выборов 2001 г. возможность компромисса между коммунистической и посткоммунистической элитами ушла в прошлое [6].

Вторая фаза цикла связана с возвращением прежней элиты. Наследовавшая коммунистической партии Болгарская социалистическая партия (БСП) дважды приходила к власти: она вернула себе парламентское большинство уже в 1994 г., а остальные места перешли центристским силам (Союз демократических сил получил незначительное число мест). Во многом это было связано с решением национальной проблемы в переходный период.

Третья фаза представлена попыткой создания центристского режима на прагматической основе. Наконец, парламентские выборы в Болгарии 17 июня 2001 г. привели к своеобразному возрождению монархической идеи. Впервые за всю современную историю Европы бывший монарх — болгарский царь Симеон II Сакс-Кобург-Готский победил на парламентских выборах и был приведен к присяге в качестве премьер-министра. Основная причина его успеха состоит в том, что Симеон «сфокусировал в своей фигуре общее неприятие населением

любых политических партий» [52, с. 89]. Прагматический характер идеологии нового движения проявился в попытке комбинировать различные политические принципы и представляющие их партии. На этой основе возможны поправки к конституции, прохождение которых, однако, чрезвычайно затруднено ее жесткостью в сравнении с аналогичными процедурами в других посткоммунистических странах Восточной Европы [34].

Таким образом, конституционный цикл в Болгарии напоминает классическую французскую его формулу, включающую фазы радикальной социальной революции, либерального перехода и установления центристского режима, который при известных обстоятельствах даже может эволюционировать в направлении реставрации монархии. Это вызвало дискуссию: является данный результат признаком кризиса демократического строя, выражением разочарования в западных экономических и политических моделях или проявлением особой балканской политической культуры?

В поисках стабильности: конституция, политический режим и выбор формы правления

Для Восточной Европы постсоветского периода большое значение приобрел вопрос о роли государства в социальных преобразованиях. Одни исследователи (как А. Шайо [64]) полагали, что государственный интервенционизм объективно накладывается на стереотипы и наследие коммунизма, поэтому, применяемый даже для либеральных преобразований, таит для них серьезную угрозу; другие (как С. Холмс [73]), напротив, доказывали, что либеральное демократическое государство не может быть устойчивым, не играя регулирующей роли. Третья точка зрения предлагала компромисс между двумя предыдущими путем разделения решений во времени: для переходного периода, когда необходимо осуществлять непопулярные экономические реформы и бороться с популизмом, должен сохраняться режим контролируемой демократии, авторитарного государства [86]; после проведения реформ необходим больший контроль над действиями государства со стороны гражданского общества.

Эти теоретические споры о соотношении общества и государства в переходный период вели к различным решениям проблемы конституции. Концепция максимального ограничения роли государства логически подводит к демократической конституции, предусматривающей парламентскую форму правления и максимальные ограничения исполнительной власти, а также жесткую процедуру изменения конституции. Концепция сохранения роли государства в переходный период имеет следствием конституцию, в которой наряду с гарантиями прав личности и принципами разделения властей существенная роль будет отведена исполнительной власти (в рамках парламентской или

парламентско-президентской формы), а порядок изменения конституции сможет учитывать меняющееся соотношение властей и вмешательство государства в экономику. Наконец третья концепция, сомневаясь в возможности применения западной либеральной конституционной модели в чистом виде для новых демократий, позитивно относится к принятию временных конституций, вводящих умеренный авторитаризм с доминированием президентской власти. Но эти соображения исходят, вероятно, из того, что авторитарная власть президентов будет действовать в направлении развития либерализма, что не очевидно (особенно учитывая особенности развития некоторых авторитарных президентских режимов).

В соответствии с этими тремя теоретическими моделями можно классифицировать конституции государств Центральной и Восточной Европы. В первом случае падение старого режима сразу ведет к прекращению действия прежней номинальной конституции и принятию новой. Примером может служить принятие конституций Чехословакии, Болгарии, Румынии, где номинальная конституция была отменена сразу после переворота, а до принятия новой действовали отдельные конституционные акты. Во втором случае продолжает действовать старая конституция, в которую по мере необходимости вносятся поправки. Примером может служить Венгрия, которая вообще отказалась от принятия новой конституции, предпочитая модифицировать старую советскую конституцию для сохранения правовой преемственности. В третьем случае возникает модель промежуточной, или временной, конституции. Примером может служить «малая конституция» Польши. Своеобразной комбинацией этих трех способов является символическое восстановление конституции, действовавшей в стране до установления авторитарного режима, правовые акты которого объявляются тем самым юридически недействительными. Этот способ одновременно позволяет решить проблему отмены прежней диктаторской конституции, сохранения возможной гибкости для внесения необходимых поправок и изменений и, в то же время, создания условий временного правового режима (путем переходного законодательства). Недостаток возрождения прежней конституции заключается в метафизическом характере данного решения: оно опирается не на реальное право, а на его ценностную оценку (которая может различаться в зависимости от представлений о справедливости). Кроме того, этот способ порождает вакуум правовых норм для переходного периода, поскольку изменившаяся реальность уже не соответствует той, которая имела место до изменения конституционного режима в прошлом. Этот способ использовался ранее в странах Южной Европы (неоднократно — в Греции). В Восточной Европе примером может служить Литва, конституционный опыт которой показывает спорность подобного выбора. Дело в том, что восстановление исторического

конституционализма, даже если оно ведет к решению современных проблем, теоретически делает актуальными проблемы, существовавшие в период действия возрождаемых конституций.

Во всех переходных ситуациях центральным вопросом оказывается борьба защитников парламентаризма и сторонников президентской системы. Мы уже рассматривали эти дебаты на примере стран Западной Европы, Азии и Америки — от дискуссий эпохи «Федералиста» до дебатов в современной Бразилии [43, 44]. Во многих модернизирующихся государствах эти конфликты завершались движением в пользу смешанной системы — полупрезидентской или даже сильной президентской власти. Эта тенденция очевидно возобладала в государствах СНГ. В ряде государств (например в Белоруссии 1996 г., когда президент пересмотрел конституцию 1994 г.) основным стимулом создания новых или существенного изменения старых конституций была сила или угроза применения силы. В других странах (Казахстан, Армения) возник режим сильной президентской власти, которая навязывала свои представления при подготовке новых конституций, закреплявших сильную исполнительную власть. На Украине после переговоров было достигнуто в 1996 г. урегулирование, создавшее странный конституционный гибрид — полупрезидентскую-полупарламентскую республику (которая ныне вновь оказалась в состоянии реформирования). Во всяком случае, отметил Р. Шарлет, «на данном этапе дискуссии должно быть ясно, что не существует универсальной модели демократического конституционализма» [65, с. 20]. На фоне усиления президентской власти в конституциях постсоветских государств важно понять, чем объясняется ее отрицание в государствах Центральной и Восточной Европы.

Рассмотрим в сравнительной перспективе такой содержательный параметр восточноевропейских конституций, как форма правления. В значительной части стран рассматриваемого региона утвердилась парламентская республика (Албания, Венгрия, Латвия, Словакия, Чехия, Эстония), причем в форме, близкой к германской модели рационализованного парламентаризма, — президент избирается парламентом. Выбор парламентского режима объясняется следующими причинами: во-первых, исторической традицией ряда государств, где существовала парламентская монархия (и сформировались основы парламентского режима); во-вторых, влиянием опыта государств Южной Европы (особенно Испании), где демократический переход сопровождался установлением парламентских режимов. В-третьих, стремлением противопоставить коммунистической централизации власти ее децентрализацию; в четвертых, плюрализмом партий (они в переходный период не могли договориться и нуждались в коалиционном правительстве, для которого больше подходит парламентаризм); в-пятых, возможно, надеждами (отчасти оправдавшимися)

номенклатуры вернуть утраченные позиции и привилегии путем получения парламентского большинства. Функции президента в этих (парламентских) режимах скорее церемониальные. Он связан позицией правительства, опирающегося на парламентское большинство в нижней или единственной палате (в большинстве стран Центральной и Восточной Европы парламенты однопалатные). Президент имеет, однако, полномочия распустить палату и назначить новые выборы, если палата оказывается неспособной сформировать правительство, а также в некоторых других ситуациях правительственного кризиса.

Наряду с парламентским режимом представлен режим смешанной республики, который, сочетая элементы парламентской и президентской форм, дает различные их комбинации. Одна часть смешанных режимов (Болгария, Словения) приближается по характеру функционирования к парламентскому (поскольку решающая роль в проведении политического курса отводится премьер-министру). Другая (Литва, Польша, Румыния) тяготеет к президентскому, поскольку президент оказывает непосредственное влияние на политику правительства. Эта типология, впрочем, признается достаточно условной, поскольку реальное функционирование властей основано не только на правовых нормах, но и на устойчивых традициях [16, 44, 74].

В государствах, где существовали монархические режимы (Албания, Венгрия, Румыния, Югославия), вопрос о восстановлении монархии поднимался в переходный период, но в настоящее время не стоит на повестке дня. В Болгарии, как отмечалось, некоторое оживление дискуссии по этому поводу связано с избранием Симеона премьер-министром.

Какие же факторы определяли выбор формы правления в государствах Центральной и Восточной Европы постсоветского периода? Соотношение правовых и политических параметров, влияющих на выбор формы правления, может быть раскрыто на примере дискуссий о президентстве в Польше — стране, которая всегда опасалась как анархии, так и сильной президентской власти. Боязнь сильного института президентства сказывалась на разработке первой в независимой Польше конституции 17 марта 1921 г., создатели которой пытались избежать концентрации полномочий в руках основателя независимого государства Йозефа Пилсудского. В 1935 г. была принята новая конституция, значительно расширявшая полномочия президента. После Второй мировой войны конституция от 22 июня 1952 г., следуя советской модели, аннулировала институт президентства, заменив его Государственным советом — декоративным органом, образованным из депутатов Сейма. После переворота 1981 г. в связи с введением военного положения было выдвинуто предложение о восстановлении института президентства (пост предназначался генералу Войцеху Ярузельскому как гаранту преемственности власти компартии перед

лицом наступления «Солидарности» и «круглого стола») [81]. Общая тенденция вновь вела к перемещению реальной власти от партийных структур к военным. Легитимация нового режима стала возможной далее в форме президентства. Институт президентства был восстановлен конституционной поправкой от 7 апреля 1989 г. по образцу голлистской системы. Данная тенденция сохранялась и в рамках временного конституционного порядка («Малой конституции») актом 17 октября 1992 г. Наконец, конституция 1997 г., разработка которой велась Сеймом, вновь последовательно проводит принцип парламентской республики. Она в большей степени закрепляет независимость Сейма, поскольку с ее введением в действие президент утратил право контролировать назначения на должности основных министров [8]. Эти колебания в отношении формы правления прекрасно выражают ситуацию политической нестабильности в регионе — циклической смены парламентских и президентских режимов.

Таким образом, выбор формы правления в странах Восточной Европы определялся не столько теоретическими представлениями либерализма о минимальном вмешательстве государства в экономику, верой в преимущества парламентаризма для преодоления авторитарных тенденций власти (подкреплявшейся историческими традициями и опытом стран Южной Европы), сколько реальной практикой первого постсоветского десятилетия — стремлением традиционного правящего слоя сохранить или вернуть утраченные позиции.

Конституционное развитие Восточной Европы имело догоняющий характер. Некоторые исследователи говорят о «догоняющей революции» и «конституционной модернизации». Со времени Первой мировой войны Европа пережила три больших волны конституционных реформ. Две из них совпадали с окончанием мировых войн, а третья имела место в 1970-е годы в Южной Европе. До Восточной Европы этот процесс докатился лишь к концу XX в. Последняя крупнейшая волна принятия демократических конституций последовала за крушением коммунистических режимов. Эта волна распространилась на государства Центральной, Северной, Южной и Восточной Европы, а также посткоммунистические государства Азии.

В ходе принятия конституций взаимодействовал ряд факторов — конституционная традиция соответствующих стран, а в случае ее отсутствия — заимствования извне (соотношение традиции и новации в создании конституций); институты предшествующих режимов (степень их укорененности и способности к перестройке); политическая повседневность (преследование действующими политическими силами конкретных целей). Процесс разработки конституций проходил, как правило, при отсутствии консенсуса между политическими силами — партиями, парламентскими фракциями, бюрократическими группировками. Проекты конституций разрабатывались за закрытыми

дверями без прямого участия общественности и интеллектуалов, а окончательное решение по принципиальным вопросам выносилось узкой группой лидеров; наконец, порядок принятия конституций при соблюдении внешних демократических форм носил, как правило, делегированный, или, используя терминологию предшествующего монархического периода, октроированный характер.

Это же обстоятельство приводило к тому, что вынесение конституционных проектов на народные референдумы диктовалось логикой не столько конституционного процесса, сколько политических сил, преследующих свои цели, главной из которых являлось удержание власти. В одних случаях это вело к попыткам немедленного принятия новой конституции, в других — к сознательному оттягиванию этого акта, в третьих — к отказу от самой его идеи. В большинстве случаев поэтому новые конституции имели ограниченный объем легитимности, оспаривались значительной частью политических сил и воспринимались населением скорее как инструмент в борьбе за власть, нежели закрепление национального выбора.

В этом контексте становится понятна острота дискуссий по фундаментальным теоретическим проблемам конституционного права: какая конституция необходима в условиях переходного периода (жесткая, гибкая или смешанная); как она должна быть принята (дилемма конституционной революции и конституционной реформы); должно ли это принятие быть радикальным и единовременным или умеренным (путем достижения компромиссов по конкретным вопросам) и растянутым во времени; на каких правовых основаниях и кем должна быть образована новая конституирующая власть, каковы должны быть объем ее полномочий и гарантии от узурпации власти; наконец, какие метаконституционные основания (исторические традиции, философские принципы, религиозные и идеологические аргументы) должны укрепить легитимность новой демократической власти.

Мы видели, что наряду с традиционными проблемами, которые должна решать всякая конституирующая власть (вопросы национального суверенитета, прав человека, формы правления и устройства конституционных институтов), конституанты Восточной Европы столкнулись с рядом специфических вопросов, которые не были известны мировой конституционной практике. На первый план здесь выходит принципиальная проблема номинального конституционализма, адекватная оценка которого была необходима для решения вопросов правовой преемственности; далее — проблема деидеологизации содержания правовых норм; проблема перехода от одной формы собственности к другим (вопросы реституции), специфическая проблема люстрации и ряд других [20, 23, 54]. Во всех странах региона принятие демократических конституций означало революционный разрыв с предшествующей моделью номинального конституционализма. Но

этот разрыв имел разные культурные и политические формы. Восточная Европа, как и другие регионы, демонстрирует примеры договорной модели перехода и модели разрыва. В первом случае удалось (благодаря сохранению элементов демократических традиций) создать подобие диалога между обществом и государством (в виде «круглых столов»), провести разработку и обсуждение конституционных проектов, если не с обеспечением консенсуса, то, во всяком случае, с его важными компонентами; во втором этот диалог (даже в ограниченной форме «круглых столов» оппозиции и компартии) оказался невозможен.

Модель диалога политических сил носила в Восточной Европе чрезвычайно ограниченный характер: речь шла о диалоге общественности и бюрократии, а не о полноценном договоре между политическими партиями о содержании и ценностях переходного процесса (как было в Испании). Договорный процесс (как показывает распад Чехословакии) не способен обеспечить стабильность в сфере международных отношений. В ряде стран переходный процесс сопровождался государственными переворотами, организованными силами госбезопасности (Румыния), партбюрократией и армией (Польша), клановыми элитными группами (Албания). Там, где у власти оставалась прежняя элита (как, например, в Румынии, Болгарии или даже Венгрии), шансы достичь согласия и принять конституцию были значительно выше. Там, где побеждала оппозиция, внутренне расколотая и не подготовленная к власти (как в Польше), возможности принятия конституции оказывались меньшими и весь процесс замедлялся.

Политическая составляющая конституционного процесса очень важна для его понимания. Именно она позволяет объяснить жесткость конституций Восточной Европы. При внешнем сходстве процедур изменения конституций Южной и Восточной Европы и отчасти при совпадении их причин в Восточной Европе существенная специфика заключалась в стремлении старой номенклатуры сохранить свои позиции в парламенте и закрепить существующее соединение власти и собственности в конституции. Именно этими причинами некоторые аналитики объясняют приоритет парламентской формы правления перед президентской, закрепление полного иммунитета парламентариев, отсутствие действенных мер по борьбе с коррупцией.

В результате сохранения старых структур и номенклатурных кланов практически везде можно наблюдать цикличность если не самих конституционных норм, то, во всяком случае, их политической интерпретации. Бархатная революция сменяется бархатной реставрацией, а декларированная декоммунизация — восстановлением позиций прежней номенклатуры в структуре власти, отношений собственности и влияния. Это ведет к ослаблению конституционных ожиданий, разрыву между провозглашенными конституционными нормами

и реальностью, социальной апатии общества. Переход к реальной демократии и либеральному конституционализму — трудный и длительный процесс, в основе которого должно лежать глубокое изменение сознания общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Административная юстиция в новых европейских демократиях: практические исследования административного права и процесса в Болгарии, Эстонии, Венгрии, Польше и Украине / Под ред. Дж. Галлигана и др. Будапешт: COLPI, 1999.
2. Арато Э. Создание конституции: венгерский эндшпиль // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1997. № 1. С. 2–9.
3. Венгерская Народная Республика: конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1982.
4. Венгрия: конституция Венгерской Республики // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М.: МОНФ, 1997. С. 97–132.
5. Восленский М. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991.
6. Выборы в Болгарии // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2001. № 4 (37). С. 85–102.
7. Высшие органы государственной власти стран народной демократии. Вып. 1: Европейские страны / Под ред. М.П. Лебедева. М.: Госюриздат, 1960.
8. Гарлицкий Л. Институт президентства в новой конституции Польши // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1997. № 3 (20)–4 (21). С. 67–74.
9. Гарлицкий Л. Правовое государство и конституционное правосудие в Польше // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 1 (38). С. 18–25.
10. Геремек Б. Парламентаризм в Центральной Европе // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1995. № 3 (12). С. 21–25.
11. Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество: размышления о революции в Европе. М.: Ad Marginem, 1998.
12. Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992.
13. Имхольц К. Эволюция Албанской социалистической партии: комментарии по поводу партийного развития и плюрализма в посткоммунистический период // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 3 (32). С. 36–41.
14. Конституции государств Европы: Т. 1–3. М.: Норма, 2001.
15. Конституции государств — участников СНГ. М.: Норма, 1999.
16. Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М.: МОНФ, 1997.
17. Конституции социалистических государств: Т. 1–2 / Под ред. Б.А. Страшуна, Б.Н. Топорнина, Г.Х. Шахназарова. М.: Юридическая литература, 1987.
18. Конституции стран народной демократии /Отв. ред. В.Н. Дурденевский. М.: Госюриздат, 1958.

19. Конституции стран СНГ и Балтии. М.: Юрист, 1999.
20. Конституционное правосудие в посткоммунистических странах. М.: МОНФ, 1999.
21. Конституционные проекты в России XVIII–XX вв. М.: ИРИ РАН, 2000.
22. Конституционный закон Республики Албании «Об основных конституционных положениях» // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М.: МОНФ, 1997. С. 19–54.
23. Конституционный суд как гарант разделения властей. М.: ИППП, 2004.
24. Конституция и основные законодательные акты Венгерской Народной Республики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951.
25. Конституция и основные законодательные акты Венгерской Народной Республики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1954.
26. Конституция и основные законодательные акты Народной Республики Болгарии / Под ред. М.И. Лазарева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952.
27. Конституция и основные законодательные акты Народно-Демократической Республики Чехословакии. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950.
28. Конституция и основные законодательные акты Польской Народной Республики / Под ред. Д.С. Карева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953.
29. Конституция и основные законодательные акты Румынской Народной Республики / Под ред. С.Н. Соловьева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950.
30. Конституция и основные законодательные акты Румынской Народной Республики / Под ред. В.Ф. Котока. М.: Изд-во иностранной литературы, 1954.
31. Конституция и основные законодательные акты Федеративной Народной Республики Югославия / Под ред. Г.И. Тункина. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956.
32. Конституция Польской Республики // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М.: МОНФ, 1997. С. 197–262.
33. Конституция Республики Албания от 21 октября 1998 года // Конституции государств Европы: Т. 1. М.: Норма, 2001. С. 181–218.
34. Конституция Республики Болгарии от 13 июля 1991 года // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М.: МОНФ, 1997. С. 57–93.
35. Конституция Республики Македония (17 ноября 1991 г.) // Македония: путь к самостоятельности. Документы / Под ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Радуга, 1997. С. 111–145.
36. Конституция Румынии // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М.: МОНФ, 1997. С. 265–310.
37. Конституция Чешской Республики от 16 декабря 1992 года // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М.: МОНФ, 1997. С. 487–528.
38. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1974. Т. 36. С. 535.
39. Лейнхарт А. Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис. 1995. № 2. С. 135–146.
40. Марада Р. Чешские выборы 1998 года // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 2 (27). С. 7–13.

41. *Мачкув Е.* Посткоммунистическая системная трансформация: проблемы, концепции, периодизация // *Полис*. 2000. № 4. С. 28–34.
42. *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1998.
43. *Медушевский А.Н.* Конституционные кризисы в обществах переходного типа // *Вопросы философии*. 1999. № 12. С. 3–28.
44. *Медушевский А.Н.* Сравнительное конституционное право и политические институты. М.: ГУ-ВШЭ, 2002.
45. *Мунгиу-Пиптиди А., Ионица С.* Что означает откат на выборах в Румынии в 2000? // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. 2001. № 2 (35). С. 38–43.
46. Народная Республика Болгария: конституция и законодательные акты / Под ред. И.П. Ильинского. М.: Прогресс, 1981.
47. Новые конституции стран Восточной Европы и Азии. М.: МГУ, 1996.
48. Новые конституции стран СНГ и Балтии: сборник документов. М.: Манускрипт, 1994.
49. *Осятынський В.* Краткая история конституции // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. 1997. № 3–4. С. 52–61.
50. *Оренштейн М.* Вацлав Клаус: революционер и парламентарий // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. 1998. № 3 (24). С. 10–17.
51. *Пеге И.* Трудная победа Европейского Союза на выборах в Чехии // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. 2002. № 4 (41). С. 62–64.
52. *Пеева Р.* Избрание царя: выборы 2001 и болгарская демократия // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. 2001. № 4. С. 88–92.
53. *Пройсс У.* Модели конституционного развития и перемены в Восточной Европе // *Полис*. 1996. № 4. С. 21–38.
54. Роль конституционных судов в обеспечении права собственности. М.: ИППП, 2001.
55. *Романенко С.* Югославия: кризис, распад, война, образование независимых государств. М.: МОНФ, 1999.
56. Румыния после выборов // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. 2001. № 2 (35). С. 29–47.
57. *Спивак П.* Борьба за конституцию // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. 1997. № 3–4. С. 75–81.
58. *Страшун Б.А.* Вступительная статья // Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М.: МОНФ, 1997. С. 1–15.
59. *Тисманяну В., Клизман Г.* От Илиеску до Илиеску: первое десятилетие посткоммунистической Румынии // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. 2001. № 2 (35). С. 31–37.
60. Тоталитаризм в Европе XX века: из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М.: Наука, 1996.
61. *Халмаи Г.* Свобода слова в практике Конституционного суда Венгрии: изменение принципов и механизмов // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. 2002. № 4 (41). С. 65–82.
62. Чехословацкая Социалистическая Республика: конституция и законодательные акты. М.: Институт международных отношений, 1962.

63. Чехословацкая Социалистическая Республика: конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1987.
64. *Шайо А.* Самоограничение власти: краткий курс конституционализма. М.: Юрист, 2001.
65. *Шарлем Р.* Правовые трансплантации и политические мутации: рецепция конституционного права в новых независимых государствах // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 2 (27). С. 14–21.
66. *Autoritare Regime in Ostmittel- und Sudosteuroopa 1919–1944 / Hrsg. von E. Oberlander, et al.* Paderborn: Schoningh, 2001.
67. *Beyme K. von* Systemwechsel in Osteuropa. Frankfurt am Main: Opladen, 1994.
68. *Constitutions of the communist world / Ed. by W.B. Simons, A. den Rijn.* The Netherlands: Sijthoff and Noordhoff, 1980.
69. *Eastern Europe in revolution / Ed. by I. Banac.* London: Cornell University Press, 1992.
70. *Elster J.* Ways of constitution making // *Democracy's victory and crisis / Ed. by A. Hadenius.* Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
71. *Elster J., Offe C., Preuss U.* Institutional design in post-communist societies. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
72. *Fejto F.* La fin des democracies populaires. Les chemins du post-communisme. Paris: Seuil, 1992.
73. *Holmes S.* The evolving presidency in Eastern Europe: The postcommunist presidency // *East European Constitutional Review.* 1993–1994. Vol. 1–4.
74. *In the public eye: Parliamentary transparency in Europe and North America / Ed. by E. Rekosh.* Washington: International Human Rights Law Group, 1995.
75. *La democratie constitutionnelle en Europe Centrale et Orientale: Bilans et perspectives / Sous la dir. de S. Milacic.* Bruxelles: Bruylant, 1998.
76. *Lewenstein K.* Verfassungslehre. Tübingen: Mohr, 1969.
77. *Loupan V.* La revolution n'a pas eu lieu. Roumanie: L'histoire d'un coup d'etat. Paris: Laffont, 1990.
78. *Ludwikowski R.R.* Constitution-making in the region of former Soviet dominance. Durham: University Press, 1996.
79. *Mackow J.* Parlamentarische Demokratie und Autoritarismus: Erfolge und Misserfolge der postkommunistischen Verfassunggebung. Hamburg: Lit, 1998.
80. *Melone A.P.* Creating parliamentary democracy. Columbus: Ohio State University Press, 1988.
81. *Meretik G.* La nuit du General. Enquete sur le coup d'etat du 13 decembre 1981. Paris: P. Belfond, 1989.
82. *Michnik A.* The velvet restoration // *The revolutions of 1989.* London: Routledge, 1999. P. 244–251.
83. *Moldova // In the public eye: Parliamentary transparency in Europe and North America / Ed. by E. Rekosh.* Washington: International Human Rights Law Group, 1995. Ch. 13. P. 143–156.
84. *Neue Regierungssysteme in Osteuropa und der GUS. Probleme der Ausbildung stabiler Machtinstitutionen / Hrsg. O. Luchterhandt.* Berlin: Opladen, 1996.

85. *O'Donnell G.* Delegative democracy // The global resurgence of democracy / Ed. by L. Diamond, M.F. Plattner. Baltimore: University Press, 1996. P. 94–108.
86. *Offe C.* Modernity and the state: East, West. Cambridge: Polity Press, 1996.
87. Parliaments in transition. The new legislative politics in the former USSR and Eastern Europe / Ed. by Th. Remington. Oxford: University Press, 1994.
88. Politics, power and struggle for democracy in South-East Europe / Ed. by K. Dawisha, B. Parrot. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
89. *Portocala R.* Autopsie du coup d'etat Roumain. Au paus du mensonge triomphant. Paris: Calmann-Levy, 1990.
90. *Preuss U.K.* Patterns of constitutional evolution and change in Eastern Europe // Constitutional policy and change in Europe / Ed. by J.J. Hesse, N. Johnson. Oxford: Reinolds, 1997. P. 182–199.
91. Roundtable talks and the breakdown of communism: Vol. VI / Ed. by J. Elster. Chicago: The University of Chicago Press, 1996.
92. *Siegan B.H.* Drafting a constitution for a nation or republic emerging into freedom. Fairfax: George Mason University Press, 1994.
93. The revolutions of 1989 / Ed. by V. Tismaneanu. London: Routledge, 1999.
94. *Tokes R.L.* Hungary's negotiated revolution: Economic reform, social change, and political succession, 1957–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
95. Transitions from authoritarianism: The role of the bureaucracy: Vol. VII / Ed. by R. Baker. Connecticut: Praeger, 2002.